

The book cover features a complex design. On the left, a black and white photograph of a classical building with columns is partially visible. The right side is dominated by a large orange map of the Eastern Front of World War II, showing various military fronts and cities. The title is written in a large, stylized, outlined font across the center of the map.

Война одна - судьбы разные

Яковлев
Василий Яковлевич

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П. Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

Яковлев Василий Яковлевич

Война одна – судьбы разные

**Воспоминания
о Великой Отечественной войне**

г. Гороховец
2023г.

ББК Кр.83.3(2Рос-Рус)

Я 47

Яковлев, В. Я. Воспоминания о Великой Отечественной войне: сборник / Василий Яковлевич Яковлев.- Гороховец: МБУК «СКЦ им. П. П. Булыгина», 2023.- 44 с., ил.- (Война одна – судьбы разные)

Сборник включает воспоминания Яковлева Василия Яковлевича об участии его в Великой Отечественной войне.

Материалы собраны и предоставлены: МБОУ СОШ № 1

Редактор: Бусько Л.В.

Компьютерная верстка, дизайн: Осипова В.А.

Яковлев Василий Яковлевич **(1924 – 1993)**

Яковлев Василий Яковлевич родился 19 февраля 1924 года в деревне Сапроны Сошихинского района Псковской области в семье крестьян. В 1933 году начал учиться в школе, а в 1938 году после смерти отца вместе с матерью переехал в город Гороховец, где проживали старшие сёстры. В 1940 году окончил семь классов Гороховецкой семилетней школы №2 и пошёл работать в Гороховецкое плодово-ягодное хозяйство. 13 августа 1942 года был призван в ряды Советской Армии, а 24 августа зачислен курсантом 2 Ленинградского военно-пехотного училища, которое окончил в мае 1943 года, получив военное звание «младший лейтенант».

В июле 1943 года был направлен на Воронежский фронт, где воевал гвардейской стрелковой дивизии до ранения при форсировании р. Днепр. С 3 октября 1943 года до февраля 1944 года находился на лечении в госпитале № 5362 в г. Тамбове. По выздоровлению был направлен в 154 ГСП 512 ГСД в г. Клайпеда Латвийской ССР. За боевые заслуги награждён четырьмя орденами и 13 медалями. Член КПСС с февраля 1945 года. В августе 1952 г. был откомандирован в ГСВГ (Группа Советских войск в Германии) для работы советником в Национальной народной армии ГДР. В июле 1953г. при упразднении должности возвратился в 41 СП 31 СД, где служил до октября 1957 года. В октябре 1957 г. по замене ГСВГ был направлен в 322 мотострелковый полк, в котором командовал батальоном до сентября 1967 года. В сентябре 1967 года направлен на замену на Дальний Восток, а в ноябре назначен на должность старшего преподавателя - начальника цикла военной кафедры ДВГУ, где и работал до 10 ноября 1974 года. В ноябре 1974 г. по истечении срока службы уволен по возрасту из рядов Советской Армии, а в апреле 1975 года прибыл в г. Гороховец на постоянное жительство. Работал в школе № 1 с 1 июля 1975 года до сентября 1983 года учителем начальной военной подготовки. Умер в феврале 1993 года.

Семейная фотография В.Я. Яковлев сверху, внизу его второй сын Анатолий.

Семейная фотография. В.Я. Яковлев сверху, внизу его второй сын Анатолий.

Начало службы

Училище размещалось в больших длинных землянках, срубленных из бревен. В летнем клубе, где уже было несколько команд, разместили и нас. Разместившись на скамейках, мы озирались вокруг, а прибывшие ранее разглядывали нас. Чуть позднее подъехало еще несколько команд по 10-15 человек, видимо из других районов.

Землянки размещались в сосновом лесу.

Часов в семь вечера перед нами выступил командир училища.

Мысли возвращали меня домой, представляя, что делает сейчас мать и сестра Люба, оставшись одни.

Комиссар подробно описал обстановку на фронте, сделал вывод о необходимой подготовке командных кадров.

Коротко изложил задачи училища и подробно остановился на содержании программы, т.е. тех задачах, которые нам придется решать в течение семи месяцев. А задачи эти были непростые: за срок обучения мы должны были подробно изучить устройство танка, научиться его выводить, стрелять из пушки и пулемета и приобрести необходимые командиру навыки, чтобы умело командовать в бою. Здесь я услышал для себя новость. Комиссар училища сказал, что в училище будут приняты только те, кто уже знаком с двигателем, т.е. работал шофером, трактористом или мотористом. У меня же такой специальности не было. Это меня огорчило. До призыва я работал завхозом Гороховецкого плодово-ягодного хозяйства. Служить дальше мне было уже неинтересно, мои мысли витали где-то в новой части, пока неведомой мне, и я строил предположения, куда могу попасть. После беседы комиссара нас построили в общий строй и повели в столовую на ужин. Мы, гороховецкие, держались друг друга. Ужин был хорошим: пшенная каша с мясом и чай с сахаром и маслом. Он нам показался плотным. После ужина на перекуре команды от районов собрались своими группами и обменивались впечатлениями о происходящем. Во время перекура, который затянулся минут на тридцать, к нам подошли курсанты училища, которые уже закончили учебу и ждали приказа. От них-то мы и узнали более подробно о будущей семимесячной службе в училище. Они были довольны тем, что через 2-3 дня будут командирами армии и особенно гордились тем, что они танкисты. Видимо военно-патриотическая работа в училище была поставлена неплохо, а привитая любовь к своей профессии, танкист, была на высоте.

После перекура снова нас развели по землянкам и дали команду «отбой». Ночью мне не спалось, все думал, как уговорить (упросить) комиссию, чтобы оставили в училище, уж очень велико было желание стать танкистом. Мучило и то, что у меня было не десять классов образования, как у большинства, а всего семь Гороховецкой НСШ № 2. Заснул под утро, а в шесть часов утра прозвучала команда «подъем». Курсанты - выпускники, назначенные старшими, построили нас группами

по 20-30 человек и повели на зарядку, которая включала ходьбу, бег и гимнастические упражнения, к чему мы были не готовы.

После зарядки приняли туалет в летнем умывальнике. После завтрака человек 50-60 остались в лагере для прохождения приемной комиссии, а остальные, в том числе и наша группа под командованием офицеров и курсантов - выпускников, направились в лес на заготовку. Лес был преимущественно сосновый, в основном жерди, спиленные, видимо, накануне. Наша задача состояла в том, чтобы очистить его от веток и вынести на сухое место, куда могли бы подъехать машины, так как мы находились на большой местности. Эти делом мы занимались два дня, и только на третий подошла наша очередь предстать перед приемной комиссией.

Предстать перед комиссией мне пришлось уже только в носках, так как ботинки мои за два дня работы на болоте намокли и развалились. О приеме в училище мне сразу было отказано в виду того, что я не имел специальности, связанной со знанием двигателя. Никакие мои просьбы и мольбы не помогли. Мне вежливо зачитали требование инструкции и приказали вызвать следующего. Огорчениям не было предела, хотя из десяти наших гороховецких ребят приняли только пятерых, Николая Коткова, тракториста из села, и еще четверых (фамилий их не помню).

Но нам объявили, что расстраиваться не следует, у нас еще есть возможность поступить в другие училища и стать командирами Красной Армии. На следующий день мы прибыли в г. Горький на перевалочный пункт.

В Горьком мне предложили пойти учиться в военноморское училище, видимо, моя походка, вразвалочку, предрасположила к этому комиссию.

Я наотрез отказался, так как считал себя неподготовленным. Дело в том, что в пору нашей молодости у гороховецких ребят было модным переплывать реку Клязьму туда и обратно несколько раз без отдыха.

Я же мог переплыть ее только раз, а для следующего заплыва нужно было отдохнуть. Кстати, один такой отдых в июне 1941 года дорого обошелся. Во время отдыха засиделись на противоположном берегу. Несмотря на теплую погоду, над берегом протягивал сквозящий ветерок, который так пронизывал меня, что по дороге домой меня начало морозить, а потом поднялась температура. Я заболел малярией и слег в постель на две недели. До чего же это неприятная болезнь. В полдень начинает морозить и трясти, потом поднимается температура, и заливает пот и только после этого, вдоволь намаявшись, засыпаешь.

Лечили тогда хиной и акрихином (желтые таблетки и порошки), а силы выматывало так, что после двухнедельного лечения я не мог нормально двигаться, качало как травинку.

Второй раз с этой неприятной болезнью мне пришлось встретиться в 1948 году. Приехал в очередной отпуск, хорошо провел, и вот в день отъезда меня начало трясти. Надо собираться в дорогу, собираются на проводы родные, а меня морозит и руки трясутся. Кто-то посоветовал: «А ты выпей стакан соленой водки, и все пройдет». Пришлось прислушаться к совету. Налили круглый стакан водки. Всыпал две ложки соли, дрожащими руками размешал и залпом выпил не совсем приятное лекарство.

Немного посидев и хорошо подсолив, я выпил еще полстакана. Родные проводили на ст. Гороховец, кое-как втолкнули в вагон (поезда тогда были переполнены). Пробрался в купе, чемодан положил на пол между нижними скамьями, не раздеваясь, лег на чемодан и проспал восемь часов, пока не приехал в Москву.

Проснувшись, чувствовал себя нормально, и больше с этой неприятной болезнью не встречался.

Когда я не дал согласие поехать в военно-морское училище, мне предложили пехотное, куда я и согласился. В это же училище был направлен и мой лучший друг Николай Козинев и Володя Козаков, а Саша Гусев и еще двое наших гороховецких ребят были направлены в воинскую часть.

Первая боевая задача

Преследуя отходящего противника, совершали марш пешим порядком. На рассвете подходили к деревне Михайловка. От походного охранения получили сигнал «Путь свободен». Вошли в деревню, которую разделяла речка с чистой прозрачной водой.

Мост через речку был деревянным, но прочным. Добротные дома стояли целыми, у каждого дома зеленел сад. На деревьях в садах висели яблоки и груши, сливы и вишни, которые уже краснели. Видимо, боя за эту деревню не было, так как она полностью сохранилась. Но жителей не было видно, видимо, скрывались в ближайшем лесу. Выйдя на западную окраину деревни, сделали привал. Потом, пройдя по грунтовой дороге 4 километра, повернули на запад, вышли на безымянную высоту.

Немцы открыли по нам огонь, мы быстро развернулись, приняли боевой порядок и перешли к обороне по западным скатам высоты, окопались и держали оборону до вечера. Вечером стало известно, что в деревню Михайловку, которую мы проследовали утром, прорвались немецкие танки и нанесли поражение полковым тылам. Меня вызвал командир батальона ст. лейтенант Колчин, вручил 4-х солдат (я в батальон прибыл два дня назад и взвод под командование еще не принял, да и принимать было некого, в батальоне насчитывалось 120 человек) и поставил задачу установить наличие и количество танков противника и к часу ночи вернуться и доложить.

В разведку выступили с наступлением темноты, часов в 9 вечера, шли прямо полем, хлеба были скошены и уложены в копны. Когда до деревни Михайловка оставалось метров 600, засветила луна, стало светло, и очертания деревни хорошо просматривались, хорошо видно было и нас в чистом поле. Я решил замаскироваться под сложенные копны хлеба, группу перестроил в колонну по одному с промежутком полтора метра и на получетвереньках приближались к деревне. При каждом шорохе замирали на месте, обозначая копны сложенного хлеба.

Когда приблизились к деревне на 200 метров, двух воинов направил осмотреть крайние дома, а с двумя залегли, чтобы оказать помощь огнем при встрече с противником. Высланные вперед воины осмотрели два крайних дома, в которых никого не было, и подали нам сигнал.

Мы стали действовать смелее, осмотрели ещё 6 домов и никого не обнаружили, не было немцев и не было и местных жителей. В саду одного двора стояли две походные кухни и около них сутились солдаты, от топящихся топков их было хорошо видно - наши.

Вдруг вдоль дороги засверкали огоньки, мы залегли, двигалась пешим порядком колонна, человек 200, когда подошли ближе, послышалась русская речь.

Подошли к кухням, они оказались 32 ГСП нашей дивизии, готовили запоздалый ужин. О танках они тоже слышали, что прорвалось несколько немецких танков, а куда ушли, не знали.

Действуя смелее, мы обследовали всю деревню, немецких танков нигде не обнаружили, стали возвращаться.

Вышли на северную окраину деревни к просёлочной дороге, по которой, как мне показалось, мы из деревни выходили утром, когда совершали марш. Пройдя километра 4, поворота налево, который вёл в расположение батальона, не встретили.

Пройдя ещё километра два, внимательно всматривались в левую сторону, ожидаемого поворота не обнаружилось. Зато, пройдя ещё метров 500, были остановлены криком: «Стой! Кто идёт?». Я назвал звание, фамилию, последовала команда: «Офицер, ко мне, остальные на месте!». На сердце заскребло, а в голове мелькнуло, вдруг власовцы. Но команду выполнять надо, остаток воинов пошёл навстречу незнакомому голосу, всматриваясь в темноту. Подошёл, представился, назвал номер части. Оказалось, подразделение 32 ГСП нашей дивизии держат оборону в сторону деревни Михайловка и ждут, когда появятся немецкие танки, чтобы встретить их подготовленными гранатами. Они были немного удивлены, но когда я сообщил, что в деревне стоят их кухни и

готовят пищу, это их обрадовало, и они стали уточнять дорогу и расстояние до деревни. Командир подразделения сразу же назначил 2 человек и отправил за кухнями. В глубине обороны виднелся хутор, который мы утром не проходили, и мне сразу стало ясно, что, идя по этой дороге дальше, мы своих не найдём. Решил повернуть обратно, прошел километра 3, внимательно всматриваясь теперь уже в правую сторону, ожидаемого поворота не встретили. Решили повернуть направо по скошенному полю. Уже начало светать, а через полчаса километрах в двух стала просматриваться высота с отдельно стоящими деревьями, на которой держал оборону наш батальон.

Через полчаса, идя по скошенному полю, встретили разбитую повозку, людей и лошадей около нее не было. Судя по обнаруженным документам, она принадлежит штабу батальона. Среди документов было и разное имущество. Мне приглянулись совсем новые, и подошли по размеру, хромовые сапоги, понравилась и бритва с чехлом. Воины тоже взяли себе кое-что по мелочи, шли очень медленно, у двух воинов были потерты ноги. Я серьезно переживал за несвоевременное выполнение приказа. Приказано было результаты доложить к часу ночи, а на часах было около 6 часов утра, совсем светло.

Только я начал докладывать комбату результаты разведки, как немцы, обороняющиеся против нас, открыли артиллерийский огонь и перешли в атаку. Но их силы были не велики: около 200 человек солдат и 2 танка. Батальон за ночь хорошо окопался и замаскировался, а поэтому от огня артиллерии и танков, которые вели огонь с расстояния метров 800, мы несли потери только от прямых попаданий.

По пехоте сначала вели меткий огонь снайперы, а когда немцы приблизились на 400-500 метров, огонь открыли пулеметы и автоматы, немцы залегли, а потом стали отползать назад. Так завершилось мое первое боевое крещение.

Бой под Мышадлами (Польша)

Отходящего противника преследовали, развернувшись в боевой порядок - цепь, так как местность была открытая и, где закрепились немцы, мы точных данных не имели. В роте было 50 человек. Артиллерии и танков у нас не было, а придонная миномётная батарея к-ра Бунина, имеющая четыре миномёта, следовала за нами на почтительном расстоянии. Не доходя метров 800 до д. Мышадлы, немцы одновременно и внезапно открыли по роте огонь из нескольких пулемётов. Позицию немцы занимали не по окраине деревни, а метров на 200 восточнее неё. Мы оказались в 600 метрах от их позиции, обстановка стала ясной, нам нужна помощь, чтобы выполнить поставленную задачу и овладеть деревней Мышадлы. Поднять роту (50 человек) на 6-7 пулемётов, а может быть, и больше - дело безнадёжное. Поэтому я принял решение окопаться на достигнутом рубеже и просить поддержки. Дал команду окопаться, а окопаться можно было только - отрыть окопы лёжа, так как местность была болотистой и, углубившись на 15-20 см, выступала вода. На дно окопов стелили плащ-палатки и на них лежали. Немцы постреливали очередями, отстреливались и мы, у кого были карабины и пулемёты, а с автоматов на 600 метров огонь вести было бесполезно. Миномётная батарея, заняв огневые позиции в кустарнике сзади нас, стала вести огонь по немцам, но они были хорошо укрыты и замаскированы, и батарея им большого урона не наносила, да и боеприпасы сэкономила - на себе много мин не унесёшь. Немецкие миномётчики тоже не молчали, а вели огонь, то по огневой позиции, то по боевому порядку роты. Но эффектного результата не достигали, так как под нами по сути дела было болото, и мины глубоко уходили в грунт и поднимали столб чёрного месива из воды и грязи.

Радиостанции со мной не было, связистов тоже, поэтому я послал посыльного командиру бригады (а его обязанности выполнял заместитель полковник Яковлев Д. Ф.) с докладной запиской, где доложил обстановку, сделал вывод и просил помощи артиллерии и танками. Часа через три бригадные

связисты дали телефонную связь. Я обстоятельно доложил обстановку и просил помощи, доложил координаты позиции немцев, попросил дать несколько залпов и по деревне, где наверняка находились резервы полка. Танков в наличии не оказалось, а артиллерией помощь оказали, но недостаточно. Артиллеристы из 5-6 орудий дали 3-4 залпа по позиции немцев и три залпа по деревне, вызвав там пожар. Я по телефону получил приказ после последнего залпа в 16:00 поднять роту в атаку и к 20:00 овладеть деревней Мышадлы. Вызвал командиров взводов, а ими были сержант Иванов и мл. сержант Гришин, им пришлось по-пластунски добираться до моего КП. Но так как я находился за боевым порядком роты в 50-100 метрах, чтобы можно было управлять голосом, то им пришлось проползти метров по 150. Уточнив объекты атаки на позиции немцев, она находилась на восточных скатах безымянной высоты, перед деревней и в самой деревне, организовал порядок взаимодействия при овладении деревней. Задача была доведена до каждого солдата, стрелки часов стремительно приближаются к 16:00, вот и последний залп артиллерии. Командую голосом: «Приготовиться к атаке», она дублируется по цепи, а через 3-4 минуты: «В атаку вперёд». Цепь роты поднялась дружно и ускоренным шагом устремила вперёд. Прошли метров 150 без огня. А что дальше? А дальше те же 7-8 пулемётов открыли огонь, мы организованно ответили встречным ливнем пуль. Но отношение пуль летящих в нашу сторону и от нас было не в нашу пользу, воины стали падать, цепь стала редеть. Атака захлебнулась, мы залегли. Стоны, зовы о помощи. А немцы продолжают поливать свинцом. Да и мины начали рваться то впереди, то сзади цепи, а то и линии. Оказав помощь тем, кому она ещё нужна была, подвели итог - осталось 30 воинов. Перебежками добрался до КП (связисты не успели сняться). Доклад обстановку, потери, выводы. Не успел закончить доклад, как в метре от окопа упала мина, глубоко ушла в землю, взорвалась. Меня и телефониста отбросило от окопа метра на два. Очухались: в ушах стоит шум, осмотрелись - все в грязи, болевых ощущений не чувствуется, думаю: сгоряча не чувствуется, пошевелил руками, ногами - все

нормально. Спрашиваю связиста: «Как дела?» Отвечает: «Жив и, кажется, здоров, только уши звенят и плохо слышу. Ничего, пройдет». Говорю ему: «У меня тоже звенят». Зазвонил телефон, дотягиваюсь, беру трубку. Спрашивают, что случилось? Сообщаю. Трубку берёт полковник Яковлев, докладываю о случившемся. Выслушав доклад, полковник одобряет: «Ничего, ещё повоюем. Часик отдохни, приведи себя в порядок, и повторим атаку». Я стал доказывать, что у немцев все огневые точки не уничтожены, и атака невозможна. В ответ услышал, что у нас есть артиллерия и огневые точки, мешающие продвижению, что деревню нужно взять, во что бы то ни стало. Командир положил трубку. Я стал обдумывать своё трудное положение: деревню взять 30 воинами невозможно, а приказ выполнять нужно. Через 30 минут мои раздумья прервал вызов к телефону. Полковник сообщил, что сейчас артиллеристы наносят 15 минутный артиллерийский налёт. После налёта сразу в атаку, деревню взять и доложить. Артиллерийский налёт начался, снаряды стали рваться в районе позиции немцев, а я наблюдал за разрывами снарядов и посматривал на часы, стрелки которых стремительно продвигались к решающему штурму. Но вот последний залп и приказ по телефону: «В атаку! Вперёд!». Я ответил: «Понял, выполняю». Положил трубку и подал команду: «Приготовиться к атаке», а потом: «В атаку! Вперёд!» Рота поднялась дружно и продвинулась метров на 50, как всё те же шесть немецких пулемётов открыли огонь, и цепь снова залегла. Поднимать роту (если 30 человек можно назвать ротой) я не стал, окончательно убедившись, что 30 воинами деревню не взять и пошёл докладывать. Доложил, что они подавлены и все 6 пулемётов открыли огонь и рота залегла. Полковник, прервав мой доклад, сказал: «Или возьмёшь деревню или будешь расстрелян». Я, не задумываясь, ответил: «Приходите, расстреливайте». И ответил я это осознанно, потому что действительно 30 воинам на открытой местности взять позицию немцев с шестью пулемётами невозможно. И в порядке вывода сделал заключение: пусть я один погибну, но зато 30 воинов останутся живыми. Минут через 40, двигаясь от

КП бригады, на горизонте появился лейтенант Пастернак с двумя автоматчиками. Немцы это, видимо, тоже заметили, так как местность в нашем положении хорошо просматривалась. Последовало несколько миномётных выстрелов, а разрывы легли в районе группы лейтенанта Пастернака. Группа залегла и не поднимается. Группа не дошла до нас 300 метров, я выслал туда связного ряд. Гришина узнать, что с ними случилось. Возвратившись, ряд. Гришин доложил, что лейтенант Пастернак и один автоматчик ранены и просят оказать помощь. Я вызвал санинструктора роты сер. Дороженко, который всегда находился со мной, и двух воинов, чтобы оказали помощь и, если нужно, сопроводили в санроту бригады. Я позвонил командиру бригады и доложил о происшедшем и о том, что мои воины оказывают помощь. Об атаке ни звука, полковник, видимо, и сам убедился, что такими малыми силами деревню не взять. Стемнело, я ждал новой реакции на мой дерзкий отказ идти в атаку, так как цель прибытия л-та Пастернака с двумя автоматчиками, так и осталась неизвестной. Телефон молчал, а мне в голову лезли разные нехорошие мысли, да и было от чего, но брать трубку и уточнять, что делать дальше, не решался, а продолжал занимать достигнутый рубеж. Часов в 10 вечера зазвенел телефон, телефонист берёт трубку и передаёт мне. Полковник спрашивает: «Как дела?» Отвечаю: «Держимся на месте, немцы постреливают и освещают местность ракетами». Ответ: «Вижу, слушай задачу». У меня дрогнуло сердце, мурашки пробежали по коже, и почему-то создалось такое неприятное ощущение, что хотелось положить трубку. Неужели опять будет требовать выполнить приказ. «Держись, корову продаем, ищем покупателя». Из этого кодированного разговора мне стало ясно, что атаковать больше не будем, придёт смена. В своих предположениях я не ошибся, уточнив, когда ждать покупателя, полковник ответил: «После полуночи», и на душе сразу полегчало. Закончив разговор, сразу же послал посыльного, чтобы эту приятную новость сообщить воинам и обрадовать их. На смену нам, часов в 12 ночи, прибыл батальон чернорубашечников (так называли подразделения, сформированные из мужского населения,

годного к службе, в районах, освобожденных от оккупации немцами). В батальоне было человек 500 воинов, но подготовка их была слабая, так они формировались и готовились в темпе и не имели достаточной подготовки. Я ввёл командира батальона в обстановку, сообщил, что на переднем крае немцы имеют шесть пулемётов, а в населённом пункте одна или две миномётные батареи. Посоветовал комбату пошире развернуть цепь, чтобы сократить поражаемость, и просить огня артиллерии или миномётов, чтобы подавить пулемёты, мешающие продвижению. Комбат поблагодарил за советы, я пожелал ему успеха, проверил своих оставшихся в живых 30 человек и направился в тыл к штабу. Построив роту, доложил полковнику Яковлеву Д.Ф. о прибытии и составе роты. Пожав руку, полковник поблагодарил, что сохранил людей и место, где можно отдохнуть до утра. А утром предстоял марш в район формирования. О цели прибытия генерала Пастернака в район расположения роты я так и не узнал, так как лейтенант Пастернак убыл в госпиталь и больше в бригаду не возвратился. А полковник об этом не напоминал, тем более и мне неудобно было об этом спрашивать, хотя я в этой бригаде провоевал до конца войны, а служил до 1946 года. Бывают и такие эпизоды на фронте, которые не всегда так благополучно заканчиваются, как в данном случае у меня. По окончании войны получил повышение - должность старшего офицера связи бригады, а при упразднении этой должности был назначен заместителем командира батальона по строевой части и только по сокращению бригады и расформированию нашего батальона был направлен в 72 гв. танкосамоходную бригаду этого же корпуса командиром роты автоматчиков, которой пришлось командовать всего два месяца и снова расформирование. На этот раз вместе с командиром батальона майором А.Казцовым, начальником штаба старшим лейтенантом Гончаровым и двумя командирами взводов были переведены в один батальон 19 механизированной бригады своего же 1 кв. Красноградского механизированного корпуса, которым командовал генерал - лейтенант С. Кривошеин, где и

служил до октября 1947 года, т. е. до убытия в Советский Союз по замене.

Отвод подразделений

Начало темнеть. Отходя, немецкие подразделения заняли заранее подготовленный рубеж по восточным скатам безымянной высоты. Подпустив наши подразделения на 250-300 метров, внезапно открыли оружейно-пулемётный огонь. Мы залегли и сразу стали окапываться. Грунт был мягкий, и минут через 20 все укрылись от огня противника. Стемнело быстро, и нам на фоне пожарища горящей деревни в глубине обороны противника было хорошо видно, как подносчики боеприпасов раздают гранаты и боеприпасы. И стало ясно, что немцы дальше отходить не собираются. Наш правый фланг упирался в овраг с высокими сосновыми деревьями, который мог послужить хорошим подходом к нашему правому флангу, где располагался пулемётный расчёт сержанта Минкина. Левый фланг нашего боевого порядка - низкорослый кустарник. В боевой цепи батальона находилось человек сто. Командный пункт батальона располагался сзади на опушке рощи в 800 метрах. Там же и остановились взаимодействующие с ночи четыре танка. Кончилось горючее, дальше двигаться не могли. Там же в районе КП расположилась и миномётная батарея лейтенанта Н. Бунина и два противотанковых орудия. Несмотря на усталость, воины окапывались быстро и часа через 1,5 все были в окопах полного профиля. Со стороны противника был слышен гул моторов и из-за высоты поблескивал свет фардвигающихся автомобилей. Видимо, подбрасывали пополнение и боеприпасы. Слышался и шум гудящих моторов. Видимо, немцы укрепляли свои позиции и танками.

Немцы короткими очередями из пулемётов и автоматов постреливали по нашим боевым порядкам. Мы же огня не вели, так как немцы находились в окопах и передвигались по траншеям. А тратить патроны бесцельно смысла не было. Командиры рот собрались вместе, чтобы оценить создавшееся положение, и пришли к выводу, что подразделения нужно

отвести назад ближе к КП батальона, под прикрытие огня танков и противотанковых орудий, да и для миномётной батареи, оборудовавшей позицию на опушке рощи, открывавшее хорошие возможности для ведения в прямой видимости в случае перехода противника в атаку.

Пришли на КП батальона. Командир батальона подполковник Иршко после дневной суеты, плотно поужинав и употребив видимо 100 гр, похрапывая, крепко спал. Обстановку доложили старшему адъютанту капитану Н. Бугай и заместителю командира батальона лейтенанту Казиевичу. Последние нас внимательно выслушали, но решение на отвод подразделений не приняли и комбата будить не стали. Нам ничего не оставалось, как вернуться к своим подразделениям и укреплять занятый рубеж и пополнять боеприпасы, чтобы быть готовыми отразить атаку немцев.

Возвратившись, решили поужинать и мы. Пока раскладывали еду на обочине дороги, я решил пойти и уточнить задачу пулемётного расчёта сержанта Минкина, который находился ближе всех к немцам на правом фланге.

Возвратившись к месту ужина, услышал доклад, что разорвалась мина и что лейтенанта В. Проволторова ранило в плечо и командира роты ПТД старшего лейтенанта Чурикова в левую ногу, и они с ординарцами ушли в штаб батальона. Мне стало не до ужина. Так как в боевом порядке из офицеров остались я и лейтенант Митрофанов, который исполнял обязанности командира 2-ой стрелковой роты. Я считал, что вся полнота ответственности за судьбы вверенных нам людей ложится на меня как штатного командира роты. А что такая находится в 300 метрах от переднего края более сильного противника, я хорошо знал. Сам провёл несколько таких атак даже с более солидного расстояния и ни одной неудачной. Для преодоления этой нейтральной зоны с ведением шквального огня патронов хватит. Значит, атакуемым поднять голову для ведения огня нельзя – будет решето, а ведь огонь, не прицеливаясь из окопа, не эффективен. На предложенный мне ужин махнул рукой и пошел на КП батальона. Стал накрапывать дождик. Когда пришёл на КП батальона,

фельдшер батальона лейтенант Родинов перевязывал раненых командиров рот.

Командир батальона подполковник Иршко по-прежнему, похрапывая, спал, дремал сидя и зам. командира батальона старший лейтенант Казиевич и старший адъютант капитан Н. Бугай. Сложность обстановки на переднем крае подтвердили ранения командиров рот. Старший лейтенант Казиевич и к-н Бугай с моими доводами соглашались, но решения на отвод подразделений не принимают, показывают на командира батальона. Начинаю будить командира, который спал в палатке. На голосовое обращение никакой реакции. Начинаю трясти за плечо, начинает просыпаться, трясусь сильнее, вопрос сонным голосом: «Что случилось?». Докладываю обстановку, что немцы подбросили несколько машин пехоты, подтянули до десяти танков и раздают гранаты, готовятся к переходу в атаку. Спросонья всю обстановку не усвоил, но голову поднял. Я повторил доклад. Сон, видимо, прошёл: «А где командиры?» Я ответил: «Проволторов и Чуриков ранены, в медпункте». - А что будем делать? Я доложил своё решение: отвести подразделения на рубеж метров 200 западнее КП, чтобы танки и орудия могли поддержать пехоту своим огнём. Фланги упрутся в лесные массивы, а немцы по лесам в атаки не ходят. Комбат обратился к заместителю и старшему адъютанту: «Что делать?». Они поддержали мою точку зрения, я получил команду на отвод подразделений и занятие обороны в 200 метрах перед КП батальона. Дождик продолжал накрапывать. Возвратившись в боевой порядок, я вызвал лейтенанта Митрофанова, сержанта Гришина, исполняющего обязанности командира 1 стрелковой роты и сержанта Иванова, исполняющего обязанности командира роты противотанковых ружей и поставил задачу на отвод подразделений и указал маршруты выдвижения. Сначала отвел пулемёты и ПТР, как тяжелое оружие, потом стрелков, а с ручными пулеметчиками отошел сам. На новом рубеже подразделения встречали и указывали позиции рубежа обороны командир Бугай и старший лейтенант Казиевич. Отход был так тщательно организован, а дисциплина была настолько высокой,

что мы отвели все подразделения без единого выстрела. Правда, этому способствовал моросивший всю ночь дождик. Отход не был немцами обнаружен до утра, до перехода их в атаку. Нам же сомкнуть глаза ночью не пришлось, но зато все стрелки и пулеметчики отрыли себе окопы полного профиля и тщательно замаскировались и уже были готовы встречать немцев шквальным огнем. Передний край нашей обороны проходил по западным скатам безымянной высоты, правый фланг упирался в глубокий овраг, а левый - в сосновую рощу. Ближе к утру, когда инженерное оборудование рубежа в основном было закончено, комбат вызвал командиров подразделений для организации взаимодействия при ведении оборонительного боя. Было принято решение, при наступлении немцев огня не открывать, пока они не приблизятся на 350-400 метров – дистанцию действительного огня, чтобы достичь полной внезапности. Ночь прошла относительно спокойно, немцы иногда постреливали с пулеметов короткими очередями, мы же на их огонь не отвечали, не раскрывая своего места расположения.

Как только рассвело, из-за высоты, на которой оборонялись немцы, показалось три танка, а немецкая пехота, открыв шквальный огонь по занимаемым нами вечером траншеям, перешла в атаку. Ответного огня не последовало, прекратили огонь и немцы. Их танки вырвались вперед, но далеко от пехоты не отрывались. Когда их танки приблизились на 400 метров, почти одновременно открыли огонь артиллеристы старшего лейтенанта Лепина и танкисты капитана Рыжкова. Один танк остановился, а два продолжали движение. Наши артиллеристы и танкисты продолжали военный огонь. Остановился второй немецкий танк, а потом остановился и загорелся третий. Немецкая пехота, выйдя на рубеж подбитых танков, открыла огонь и ускорила шаг. Вот тут-то и заработали наши пулемёты и автоматы, немецкая пехота залегла. До сих пор молчавшие миномётчики старшего лейтенанта Н. Бунина открыли огонь по лежащей немецкой пехоте. Немцы пытались отползть, некоторые обратились в бегство, и их настигли осколки мин и пулеметные очереди.

Ведь расстояние небольшое, и огонь вели прицельный. Рвались немецкие мины и в нашем районе, были и потери, но окопы полного профиля надежно укрывали. Немцы в этой атаке потеряли около 200 солдат убитыми и ранеными и три танка, водители которых были взяты в плен. Немногим немцам удалось спастись бегством и возвратиться восвояси.

Гибель комбата Иршко

Преследуя отходящего противника, после короткой перестрелки немцы отступили, и мы овладели населенным пунктом Н. И так как задача боевого дня была выполнена, то наш 2 батальон 37 механизированной бригады расположился на ночлег. Начинало темнеть, выставили сторожевые посты, организовали патрулирование и разместились по хатам. Из местного населения было несколько стариков и старух. Противник огнем не беспокоил, и мы впервые за несколько дней так вольготно отдыхали. В том же населенном пункте разместилась танковая рота под командованием капитана Рыжкова и 3-й батальон бригады старшего лейтенанта Васильева.

После ужина солдаты, занавесив окна, чтобы не нарушать маскировку, уселись строчить письма родным и близким, так как в предыдущие дни такой возможности не было.

Ночь прошла относительно спокойно, несколько снарядов, разорвавшихся на огородах, потерь не принесли, и только осколками одного снаряда, угодившего в хату, трое солдат было убито и пятеро воинов было ранено. Утром был получен приказ выступить в преследование отошедшего противника и к исходу дня овладеть населенным пунктом А. на удалении 30 км (задача дня).

Солдаты, переночевав в человеческих условиях, утром побрились и чувствовали себя бодро, шутили, веселились. Завтрак был готов к 7 часам утра, а в 7.30 минут все позавтракали. Командиры, построив подразделения, проверили

наличие, внешний вид, экипировку солдат и поставили боевую задачу. Настроение было боевое.

Автотранспорт поставили под деревьями и, хорошо замаскировав, оставили в деревне, там остались и полевые походные кухни. Ровно в 8 часов утра, как было приказано, выступили на преследование отходившего противника. Пешую колонну вел заместитель командира батальона ст. лейтенант Казиевич. Он был высокого роста, немного сутуловатый, худощавый, со смуглым лицом, малоразговорчив. Командир батальона подполковник Иршко следовал в танке с командиром танковой роты капитаном Рыжковым. Подполковник Иршко был плотного телосложения, немного полноват, невысокого роста, награжден шестью орденами, в том числе двумя орденами Красного Знамени. Это говорило о его храбрости и мужестве и большом боевом опыте. Вслед за нашим батальоном следовал 3 МСБ. Его вел сам командир батальона ст. лейтенант Васильев, это был человек строевой выправки, крепкого телосложения, среднего роста, хороший физкультурник, всегда с веселым настроением. Он до войны окончил институт физкультуры и работал преподавателем в школе. Батальоны после предыдущих тяжелых боев были далеко неполными и насчитывали по 200-250 человек. Батальоны шли один за другим вплотную, даже не соблюдая уставные дистанции. Впереди батальона шло походное охранение в составе стрелкового отделения, на удалении зрительной связи. Боковые дозорные не назначались, так как местность была открытая, и все вокруг хорошо просматривалось. Во главе колонны батальона шла 9 рота лейтенанта Митрофанова и взвод пулеметной роты во главе с лейтенантом Скадовским Г.Г.

Вот о нем мне хотелось рассказать особо. Это способный, эрудированный человек, очень любил проводить солдатам политинформации и политические занятия, проводил их по 3-4 часа. Не занимать ему и мужества. Он был хорошим снайпером и никогда не расставался со снайперской винтовкой, хотя командовал пулеметным взводом, всегда находился на передовой, выслеживал и уничтожал важные одиночные цели,

на его счету их более десятка. При налете авиации противника на колонну машин батальона он никогда не спешил, а вел огонь по пикирующим на колонну самолетам противника с самодельной зенитной установки и не безуспешно им были сбиты два вражеских самолета. К счастью, Георгий Георгиевич остался жив. Правда, в последующих боях был тяжело ранен в глаз и направлен в госпиталь, и оттуда, видимо, первое время не писал своей избраннице (так делали многие, до выздоровления). А его Шура – учительница из города Рыбинска штурмовала меня письмами, справляясь о его здоровье. Я отвечал на письма, успокаивал её, как мог, давал намеки, что они должны скоро встретиться. Так видимо и произошло, так как через некоторое время письма больше не приходили. А вот как сложилась его послевоенная судьба, к сожалению, не знаю.

Двигались по старой грунтовой дороге, которую украшали столетние деревья с толстыми стволами и раскидистыми кронами. Часов в девять с головы колонны поступила команда: «Привал, влево». Все опустились на землю, кто перематывал портянки, основная масса стала затягиваться самокрутками, а кто прилег, вглядываясь в светлое чистое небо, и думая о чем-то о своем. Третий батальон подошел вплотную и расположился вдоль правой обочины. Я с ординарцем Петей Бабий и санинструктором сержантом Дорошенко шли в середине колонны и на привал расположились возле раскидистого дуба. К нам с головы колонны подошел ст. лейтенант Казиевич с папироской в руках и спросил прикурить. Я и мои спутники были не курящими и спичек и зажигалок не оказалось (зачем они не курящему). Ст. лейтенант пошел дальше в хвост колонны. Не успел удалиться от нас и на 20 метров, как в голове колонны начали рваться снаряды. Пристрелка была настолько точной, что снаряды ложились точно вдоль дороги с интервалом 10-15 мм. Воины, перегоняя друг друга, через три минуты переместились из головы колонны в хвост. Там местность была пониже, и скрывал пригорок справа от дороги. Против нас на правой обочине дороги расположился расчет сержанта Петрученко. Когда снаряды стали ложиться в хвосте колонны, я выглянул из-за

дерева и увидел, что, где отдыхал расчет, зияла воронка и расплывался дымок от разорвавшегося снаряда. Заныло сердце. Тоскливо стало на душе, настроение омрачилось и тем, что я и мои спутники, выглядывая время от времени из-за дуба, не видели, как отходил взвод лейтенанта Скадовского. Да и отход не в его манере. Через пять минут на дороге осталось трое убитыми и пять человек ранеными. Среди потерь моих пулеметчиков не было. Санинструктор сержант Доршенко приступил к выполнению своих обязанностей, делая перевязки, переползая от одного воина к другому. Меня беспокоила судьба взвода лейтенанта Скадовского. Мимо нас не отходил, и впереди, где была голова колонны, батальона тоже не видно. Там тарахтел застрявший танк, пытаюсь выбраться из грязи. Танк прикрывала высота справа от дороги, и немцы по нему огня не вели. Мы с Петей решили пробраться до танка и выяснить, где же взвод лейтенанта Скадовского. Перебегая от дерева к дереву, до танка добрались благополучно и обнаружили, что правее дороги и вдоль ее проходила глубокая лощина, которая и явилась хорошим маршрутом для отхода головной роты, а с ней отошел и взвод лейтенанта Скадовского. Все ясно, надо возвращаться. Стало ясно и немцам, что мы движемся не в их сторону, а отходим, и они открыли по нам огонь. А находились они на высоте 800 м правее дороги. И хотели рассчитаться с нами сполна за нашу оплошность - не вели разведку. Даже в бинокль можно было обнаружить немцев с такого расстояния, что не было сделано. Мы с Петей продолжали выбираться. Каждая перебежка сопровождалась пулеметной очередью. Мы стали менять интервалы между перебежками. Перебежав от одного дерева к другому и, услышав очередь, перебежали сразу к третьему, но уже за деревьями выжидали, пока немецкому пулеметчику надоест держать нас на мушке. Вот такова тактика. Выбрались нормально, отошли в лощину, скрылись от наблюдения. Минут через 30 на танке подъехал командир батальона подполковник Иршко, приказал вызвать командиров рот, а мне выдвинуть вперед ст.пулемет, что я и выполнил. Прибыл командир роты противотанковых ружей ст.лейтенант Чуриков, командир

минометной роты ст.лейтенант Бунин, командир противотанковой батареи ст.лейтенант Лямин. Командиры стрелковых рот отсутствовали, лейтенанта Митрофанова ранило, а лейтенант Поворов заболел, их отправили в санитарную роту. Выслушав доклады командиров рот об обстановке и потерях, командир батальона решил сам убедиться, где находится противник. Взяв бинокль, решил выдвинуться повыше, откуда хорошо видна позиция немцев. Его сопровождали четыре автоматчика и командир взвода мл.лейтенант Кравченко. Выдвинувшись повыше, сел на разбитую повозку, стоящую на дороге, и стал в бинокль рассматривать немцев. Одет он был в белый полушубок, хорошо заметная цель, но немцы молчали. Убедившись в достоверности докладов, поднялся и направился к танку. Меня в этот момент окликнул командир пулеметного расчета сержант Касимов, попросил уточнить задачу. Пока я уточнял задачу расчета, подполковник Иршко с группой сопровождения автоматчиков подошел к танку. В этот момент грохнул взрыв снаряда. Выстрел был настолько точным, что подполковник Иршко и два автоматчика были убиты, командир взвода автоматчиков мл.лейтенант Кравченко и два автоматчика и моих пулеметчика были ранены. Мои пулеметчики, используя плащ-палатку, подтянули тело комбата к танку, погрузили на броню танка, и танк с погибшим комбатом спустился задним ходом дальше в лощину, развернулся и увез тело боевого заслуженного комбата.

Доложив о случившемся командиру бригады полковнику Хотимскому М.В., ст.лейтенант Казиевич получил приказ организовать атаку, уничтожить оборонявшегося противника и продолжать выполнять поставленную батальону задачу. По позициям немцев несколько залпов дала бригадная артиллерия, потом по неподавленным целям открыли огонь орудия прямой наводки, и минометная батарея и стрелковые подразделения перешли в атаку. Несколько пулеметов немцев открыли огонь, а после беглого огня минометной батареи капитана Бунина Н. замолчали и они. Наши стрелковые роты с небольшими потерями овладели позицией немцев и перешли в

преследование отходящего противника. Бой с такими заслонами, поддерживаемыми двумя-тремя танками и двумя-тремя орудиями, приходилось вести часто. Это была основная форма ведения боя немцами при отводе своих подразделений.

Штурм Альтдама

В батальоне осталась одна рота, а в ней три расчета станковых пулеметов, а Альтдам надо взять. Было это в середине марта 1945 года. Роту пополнили двумя взводами саперной роты бригады, остатками роты автоматчиков и взводом противотанковых ружей тоже из бригадной роты. В роте насчитывалось 120 активных штыков. Прибавили 10 танков из танкового батальона, артиллерии и миномётов в батальоне не было. Задачу на овладение городом поставил лично командир бригады полковник Хотимекий М.В. Уточнил, что за окраину города уже ведут бой авангардный батальон соседней 35 бригады. Посадив личный состав батальона на танки по 10 человек и сев на броню главного, подал сигнал: «Заводи и вперед». Танки двинулись одновременно и через 40 минут достигли окраины города. А достигнув четвертого дома от окраины, болванка немецкого снаряда угодила в башню главного танка и рикошетом ушла в сторону. Десант как ветром сдуло, а механик до следующего выстрела успел укрыться за домом. Застрочили немецкие пулеметы короткими очередями. Укрылись за домами и другие танки и стали вести огонь по противотанковым орудиям немцев. Оказались занятыми немцами и другие дома. Пришлось штурмовать каждый дом, вести бой за каждый подъезд, за каждый этаж. Командиром был майор Харитонов, выдвинулись в боевые порядки, оценив обстановку, приняли решение организовать две штурмовые группы. В каждой иметь по 5 танков и по 2 взвода стрелков. Одной группой приказал командовать мне, другую группу возглавил сам, так как больше офицеров не было. Мне приказали действовать правее на соседней улице. Доложив обстановку, командир бригады получил поддержку огнем.

Бригадная артиллерия нанесла несколько залпов уже по разведанным нами целям и мешавшим нашему продвижению. С нами вместе в боевом порядке находились артиллерийские разведчики и точно контролировали огонь по разведанным огневым точкам. Огонь немцев то ослабевал, то усиливался вновь. Судя по всему, резервы еще были и дрались за город они упорно. Огонь немцы вели со всех этажей зданий, особенно с вершин. Мы несли большие потери. Тем не менее, уверенно продвигались вперед. Часто приходилось вступать в рукопашную схватку. Врывались в дом, овладевали первым этажом, а на втором и третьем этажах были немцы. Тут шли в ход ручные гранаты, а иногда и противотанковые. Группа, боем которой руководил командир батальона, действуя левее нашей, на соседней улице тоже продвигалась успешно. К концу дня продвинулись метров на 700. Овладели двумя кварталами и зацепились за третий, овладев тремя домами. За день непрерывного штурма наши ряды сильно поредели. Воины еле стояли на ногах. На штурм четвёртого дома сил не хватало. Бросив несколько гранат в четвёртый дом через окна, дав несколько очередей, мы прекратили огонь. Немцы также прекратили перестрелку.

Стало темнеть, доложив обстановку командиру батальона, получили приказ организовать круговую оборону и расположиться на ночлег. Это было разумное решение. Ночь прошла относительно спокойно, артиллерия с обеих сторон огонь тоже не вела.

А сейчас о двух эпизодах. Часов в 7 утра я ушел к командиру батальона, чтобы уточнить задачу дня. В этот момент за мной прибежал посыльный от комбата, рядовой Бибииков. Один несерьезный шутник, иначе его не назовешь, указал рядовому Бибиикову, что я нахожусь в четвёртом доме, где были немцы, и предупредил, что тут обстреливают, но перебежать можно. Тот без всякой мысли быстро перебежал 20 м и ворвался в дом к немцам. Дверь была не заперта, и часового не было. Немцы сидели, завтракали и, вскочив, не успели понять, в чем дело, как Бибииков, выскочив за дверь, благополучно вернулся к нашим. Хорошо, что так все

кончилось, а могло быть и плохо. Все с укорами набросились на Рюмина, что так серьезно пошутил над Бибиковым. Тот стоял побледневшим и не мог вымолвить слово. А Рюмин и сам себя корил и извинялся за свою несерьезную шутку. А немцы тем временем всполошились и открыли огонь. Такой огонь и стрельбу из гранатометов, что наши воины, оставив два дома, отступили в третий, как потом они объяснили. Вернувшись от комбата и узнав о происшедшем, назначил две группы по 4 человека, и, назначив старшими лейтенанта Слобобенюка и оф. Сергеева приказал овладеть оставленными домами. Им повезло: дома немцами были не занятые, перебежав в них, мы восстановили положение. После завтрака штурм возобновился. Танки были подведены ближе к боевым порядкам, но так, чтобы их не доставали гранатометы. Танки разрушали опорные пункты, где засели немцы. А потом уже зачищали подвалы от немцев и всех, кто оказывал сопротивление. К исходу второго дня еще два квартала оказались очищены от немцев. С наступлением темноты подошли стрелковые части. Мы передали им занятые позиции. А нам велели вернуться к эшелону, а потом на переформирование. А сколько нас было? Подвалы – хорошее укрытие, а при бое в населенном пункте незаменимые. И солдаты это использовали, тем более что для сводной роты – это последний бой, и инстинкт самосохранения срабатывал. Для того чтобы организовать штурм очередного дома, надо побывать в 2-3 подвалах, чтобы укомплектовать группу. Но как, ведь солдат, пополнивших роту, в лицо я не знал, а рядом с нами действовали воины из 35 бригады. Зайдя в подвал, объявлял: «Кто из 37-й бригады, выходи». Чаще всего отвечали: «Здесь из 35-й бригады». И только несколько человек, настоящих патриотов поднимались и шли за мной. В другом подвале называл: «Кто из 35-й бригады?». Отзывались: «Из 37-й бригады». Приходилось строить в 2 группы. Но как иначе набрать группу для очередного штурма дома?

У одного из подъездов дома лежало два трупа наших воинов. Я бегом заскочил в подъезд, последовала запоздалая и не совсем точная очередь немецкого пулемета, где-то засевшего на верхнем этаже близлежащего дома. Выбираться

из подвала этого дома пришлось через окна на другую сторону. Произошёл и еще один эпизод в этот день. Во второй половине дня вызвал командир батальона, чтобы уяснить обстановку и уточнить задачу. Получив задачу, мы с ординарцем возвращались в расположение роты. Шли по улице, вдруг сзади на шоссе разорвался снаряд. Оглянулись, падать уже было поздно – в полутора метрах от нас зияла небольшая воронка. Осмотрели себя: полы шинели в нескольких местах посечены осколками, а на нас ни единой царапины. К счастью, и так бывает на фронте!

Берёзо-Кортузская

Прочёсывая леса восточнее населённого пункта Берёзо-Кортузская, я шёл в общей цепи роты.

Вдруг послышался свист пуль, и трава, как скошенная, легла перед ногами. Пулемётная очередь прозвучала западней опушки леса. А через пять минут мне привели высокого хохла в форме власовской армии. Первый мой вопрос был: «Почему воюете против своих?» Перед нами стоял изменник Родины и враг Красной Армии. Уточнив, сколько здесь было немцев и в каком направлении отошли, с автоматчиком Сидоровым отправил пленного к командиру батальона. Позднее ещё задержали двух пулемётчиков, в такой же форме, но те не стреляли, а подняли руки.

Прочесав лес и выйдя на западную часть опушки, были обстреляны шквальным огнём из нескольких пулемётов. Залегли, окопались и перешли к обороне. Позиции немцев находились в 800 метрах, но просматривались плохо, их закрывал кустарник, поросший по обе стороны речки Н.

Оборонялись весь день, артиллерии и танков у нас не было, и уничтожить 5-6 пулемётов, препятствующих нашему продвижению, было нечем. Вели ружейно- пулемётную перестрелку по отдельным целям. Немцы тоже активных действий не проявляли, но на каждый наш выстрел отвечали

пулемётными очередями. Подходы к их обороне охраняли бдительно. Артиллерии и танков у них, видимо, тоже не было.

К вечеру поступил приказ: ночной атакой уничтожить противостоящего противника, форсировать речку Н. и овладеть населённым пунктом Берёзо-Кортузская.

Командир батальона капитан Нагорный вызвал командиров стрелковых рот, а их было два – мл. лейтенант Поворов и капитан Васильев, а их роты насчитывали по 50-60 человек. В роте, которой командовал я, было два станковых пулемёта «Максим» и 10 человек личного состава, рота противотанковых ружей, которой командовал ст. лейтенант Чуриков, имела четыре противотанковых ружья и имела 12 человек личного состава. Миномётная рота, которой командовал высокий, стройный старший лейтенант Н. Бунин была в полном составе – 6 миномётов и 35 человек личного состава. Вот такие незначительные силы были в батальоне, которому надлежало овладеть крупным населённым пунктом. Моё место в бою боевым уставом определялось так: при одной из рот на главном направлении или которой придано большее число пулемётов, на КП роты - месте, с которого удобно управлять или при командире батальона, чтобы по его приказу быстро осуществлять манёвр. На этот раз командир батальона приказал остаться при нём, так как два пулемёта были определены по одному стрелковым ротам.

В десять часов вечера, когда стало темно, роты перешли в атаку, но немцы не дремали. Минут через десять, подпустив наши боевые порядки метров на 400, немцы осветили местность в районе наших боевых порядков и открыли огонь из нескольких пулемётов и автоматов. Наши цепи залегли и тоже открыли огонь. Перестрелка длилась минут тридцать, потом затихла, видимо обе стороны снаряжали пустые магазины и экономили патроны. Я взял у командира батальона разрешение уточнить обстановку, он разрешил. Я взял с собой своего ординарца рядового Нурулина и старшину роты Метёлкина, чтобы дать ему почувствовать непосредственно боевую обстановку. Когда мы прошли вперёд метров триста, встретили станковый пулемёт «Максим» без расчёта и с вынутым замком.

Посмотрел номер пулемёта - 35, которым был вооружён расчёт первого взвода младшего лейтенанта Мантурова. Я сделал вывод, что расчёт выбыл из строя и тащить пулемёт некому. Я приказал старшине Метёлкину и рядовому Нурулину разобрать пулемёт и следовать за нами. Метрах в пятнадцати от пулемёта расчёт противотанкового ружья сержанта Горохова перевязывал раненого. С ними я и направился вперёд. Прошли метров шестьдесят, вышли к речке на то место, где должны были её форсировать, но признаков форсирования не обнаружили (нескошенная осока по берегу реки не была примята).

Прошли метров триста влево вдоль берега до железнодорожного моста, который был в полуразрушенном состоянии, но по настилу досок и кусков железа перейти на ту сторону можно было. У моста была оборудована огневая позиция для орудия, но никого не было. Однако пулемёт у железнодорожной будки оказался у нас в тылу и постреливал в сторону КП батальона.

Стали оценивать обстановку. Сержант Горохов считал, что батальон прошёл именно по этому мосту и находится уже у Берёзы-Кортузской, и нам надо спешить. Я же сомневался, как бы мог пройти в 200 метрах мимо пулемёта незамеченным и почему его не уничтожили наши. Да и правее этого пулемёта ещё постреливали пулемёты. Я как старший решил взять всю ответственность на себя и решил подождать до утра у моста на месте огневой позиции, ведя наблюдение и в сторону пулемёта, который находился в 200 метрах, чтобы в случае отхода уничтожить расчёт. Вели наблюдение вдоль линии железной дороги в сторону Берёзы-Кортузской на случай подкрепления к пулемёту, который оказался за нами.

Ночь прошла спокойно. Два воина дремали на соломенной подстилке, оставленной расчётом немецкой пушки, а один, не поднимая голову выше рельсов, вёл наблюдение вдоль линии железной дороги в ту и другую стороны, дополняя наблюдение подслушиванием.

За ночь обстановка не прояснилась, старшина и рядовой Нурулин с пулемётом нас не догнали. К утру поднялся туман, а

когда выглянуло солнце и прижало туман к земле, видимость сократилась до 10-15 метров.

Кругом тишина, и мы решили, что наши всё-таки в Берёзе-Кортузской. По полотну перешли через мост и пошли по полотну железной дороги. Первым шёл я, за мной сержант Горохов и рядовой Фёдоров несли ружьё ПТР, и последним шёл подносчик патронов - пожилой воин.

Прошли по железной дороге метров 800. Туман так прижало к земле, что через метров 400 стали видны золотистые купола церкви Берёзы-Кортузской. Правее от железной дороги на окраине деревни стояли танки, а чьи неизвестно, так как в тумане знаков не разглядеть.

С полотна железной дороги повернули влево. Ржаное поле. Через 200 метров обнаружили свежевскопанную траншею, потом ещё одну. В траншеях никого не видно.

Стали выходить из ржи. Метрах в 15 появился силуэт: человек - не человек, чучело - не чучело. У меня в руке трофейный 15-ти зарядный пистолет. Смотрю секунд 15 на силуэт и команду: «Стой! Стрелять буду!» Силуэт быстро выбросил руки кверху, чтобы обнажить оружие. Я сделал два выстрела, часовой упал. Глянул влево – у траншеи два солдата подняли головы. Сделал два выстрела по ним – скатились в траншею. Потом быстро скомандовал: «Хлопцы, вперёд по траншеям! Немцы в траншеях!» А сам повернулся к своим спутникам и сказал: «Наших тут нет, за мной!»

Прикрываясь несжатой рожью, стали отходить к линии железной дороги. Сначала шли ускоренным шагом, а когда слышали немецкие голоса, побежали. Перебежав полотно железной дороги, сержант Горохов спросил: «Ружьё бросать?» Я, обернувшись, махнул рукой и сказал: «Бросай!» Пока бросали ружьё, Фёдорова либо убили, либо ранили. Я больше его не видел.

Прикрываясь полотном, мы стали убегать от развернувшейся цели. В деревне у стоящих танков закопошились немцы и открыли по нам огонь. Обочина железной дороги была бугристой, и я два раза падал. Встал, вскочил на полотно железной дороги и без оглядки бросился к

мосту, где ночевали. С пулемётов, установленных на танках, огонь вели по ногам, так что рельсы под ногами горели. Бежать через мост было опасно – прямо на пулемёт. Справа и слева от дороги были заграждения – проволочный забор. Прыжок через забор был таким, что забор остался позади в одном метре. Забежал за ракитный куст, огляделся – немцы преследование прекратили. Пот с меня валил, как с лошади на весенней пахоте. Огляделся, моих спутников видно не было. Подошёл к речке, нарвал листьев кувшинок, натыкал в пилотку и с пистолетом в руке и биноклем на шее переплыл речку. Достиг стога сена, огляделся, передохнул, взял левее и кустарником стал продвигаться к КП батальона. С командного пункта заметили пробиравшегося воина, приняли меня за немца и хотели стрелять из снайперской винтовки, а потом решили ждать, когда «немец» придёт в плен сам. К этому времени на КП батальона был уже сержант Горохов, который перед железнодорожным мостом преодолел проволочный забор с правой стороны. Прикрываясь кустарниками, вдоль речки вышел правее обороняющихся немцев и прибыл в своё расположение. Где же были наши роты? Когда вечером перешли в атаку, немцы осветили местность и открыли огонь из пяти пулемётов. Оказалось, атака пришлась на левый фланг боевого охранения немцев, то есть на пулемёт у железнодорожной будки. Маневрируя по фронту под огнём противника, роты понесли большие потери, и атака захлебнулась.

Доложил командиру батальона обстановку в обороне противника, указав, где пулемёты противника. Командир батальона поставил задачу командиру миномётной батареи подавить огневые точки, а мне поручил выдвинуться в боевые порядки стрелковых рот и уточнить задачи на повторную атаку уже днём. После миномётного обстрела позиции боевого охранения немцев, роты, открыв огонь, поднялись в атаку, но на встречу застрочили пять пулемётов, как и вечером. Цепь была вынуждена залечь. В этой атаке потеряли 19 человек убитыми и ранеными. Позиция немцем оказалась укреплена фундаментально и без танков её не взять, да и сил для этого не

осталось. Вечером участок передали подошедшим пехотным подразделениям, а нас вывели во второй эшелон.

1 мая в Берлине

Из всех боев, в которых пришлось мне участвовать в годы Великой Отечественной войны, особенно помнятся дни штурма Берлина. Бой в городе сам по себе трудный, а в таком большом, как Берлин, где немцы стремились удержать каждый дом, каждый этаж, был особенно ожесточенным.

Список личного состава роты, которой я командовал, таял каждый день. И когда в роте после восьми дней штурма города осталось десять человек, роту вывели в резерв и поставили на охрану командного пункта бригады.

1 мая 1945 года рано утром меня вызвал командир бригады полковник М.В. Хотимецкий и поставил задачу уточнить обстановку и передний край с нанесением на карту, так как в развалинах Берлина ориентироваться было очень трудно, а точность была нужна, чтобы при ведении огня не поразить свои войска, соседней 35-й механизированной бригады. При возвращении с задания уже приближался к КП бригады, как пуля вражеского снайпера отрезала наушник шапки, но голова, к счастью, осталась невредимой. А немецкие снайпера сидели на всех верхних этажах высоких зданий, и боевой урон наносили нашим войскам, особенно командному составу, который был для них главной целью. Доложив о выполнении задания, не успел и позавтракать, как получил новое задание. На переднем крае ранило командира танковой роты капитана Рыжкова. Командир бригады приказал взять бронетранспортер разведчиков и вывести капитана Рыжкова на КП для оказания помощи. Через пять минут я мчался по улице Бисмаркштрассе. Вдруг из подъезда одного дома заметил сигнал: «Стойте, назад».

Остановив бронетранспортер и дав задний ход, поставил его в переулок, а сам побежал к воинам, подававшим сигнал.

Они сообщили, что на четвёртом этаже дома, в подъезде которого они стояли, засели фаустники и пулеметчики, а напротив дома догорали два наших танка и самоходка. Я укорил их в бездействии. В ответ услышал: «А вы сами попробуйте». Пришлось разобраться в обстановке. Лестничная клетка была забаррикадирована разной мебелью и находилась под огнем автоматчиков. Другого входа не было. Пока мы решали, как быть, чтобы добраться до четвёртого этажа и уничтожить фаустников и пулеметчиков, с переднего края задним ходом медленно двигался наш тяжелый танк, видимо, с поврежденной пушкой.

На наш сигнал, остановиться и не двигаться под огонь фаустников и пулеметчиков, танкисты не реагировали и продолжали движение.

Или не замечали наших сигналов, или рассчитывали на защитную мощь брони, да и находились от переднего края метров 600.

Не успел танк поравняться с нами, как по нему был сделан выстрел из фаустпатрона. Танк загорелся, а четыре танкиста выскочили из танка. Двое из них присоединились к нам, а двое укрылись в развалинах разрушенного дома на противоположной стороне. Пулеметных очередей не последовало, видимо, немцы сэкономили патроны. Двое из них были ранены, видимо, осколками брони.

Воины стали оказывать помощь раненому танкисту. А я под прикрытием дыма от горящего танка побежал к своему бронетранспортеру.

Посреди улицы расстегнулась планшетка и выпала карта, но останавливаться и подбирать карту я не решился.

Передохнув за подбитой немцами самоходкой, выскочил, схватил карту, ее уже ветром гнало по улице, и вернулся к БТР.

Возвратившись на КП, доложил обстановку комбригу и сделал вывод, что, не уничтожив немцев, по этой улице проехать нельзя.

Получил приказ комбрига вместе со старшим лейтенантом Посашилиным, командиром артиллерийской

батареи, находящейся в резерве, подобрать позицию и поставить орудия на прямую наводку и уничтожить фаустников и пулеметчиков, засевших в доме и мешающих передвижению. Выехали на перекресток, где я останавливал БТР, он оказался неудобным для ведения огня прямой наводкой, так как переулок был очень узким, а дом, где засели немцы, находился в середине квартала, ближе к следующему переулку.

Мы решили через проломы в стенах домов и по-над домами пройти на следующий переулок. Это нам удалось, но когда вышли на перекресток, чтобы выбрать ОП, то услышали немецкий разговор, а когда выглянули из-за угла, то увидели, что восемь немцев с винтовками на ремне вышли из подъезда дома и к нам были спиной. Раздумывать было некогда. Я скомандовал: «Стой, руки вверх» (на немецком языке). Команда была настолько внезапной для немцев, что они сразу замерли на месте, а потом нехотя подняли руки. Я держал их на прицеле, а старший лейтенант Посашилин подошёл и снял у всех оружие, и они продолжали стоять с поднятыми руками. Я скомандовал: «Вперёд, шагом марш». Так мы привели пленных немцев к БТР, а потом доставили на КП бригады. Да, видимо, наше счастье, что немцы сразу не видели (не знали), что нас двое, а то могло быть обратное.

А через полчаса на том злополучном перекрестке было установлено 76-мм орудие на прямую наводку, и забаррикадировавшиеся немцы нашли себе смерть в развалинах дома.

Путь к передовой был открыт, и капитан Рыжков был вывезен на КП, где была своевременно оказана помощь.

А 9 мая мы с ним вместе стояли на митинге в честь нашей победы и даже сфотографировались.

И так все десять дней штурма Берлина опасность подстерегала на каждом шагу, как на переднем крае, так и в глубине боевого порядка (районах командных пунктов).

Вперёд на Днепр

Преследуя отходящего противника, совершали ночной марш пешим порядком. Рано утром 19 сентября 1943 года 136 ГСП и 42 ГСД вышли на западную окраину города Прилуки. Город был уже занят нашими войсками.

Последовала команда: «Привал вправо». Сошли с дороги и ушли к сосновой роще. Повалились на землю, как убитые, ведь шли всю ночь, отдых продолжался часа полтора-два. Потом подъехали кухни с горячим завтраком. Последовала команда: «Подъём!» Подниматься и разминаться было тяжело, но надо. Поднялись, размялись, умылись холодной водой, колодец оказался недалеко, и воды хватило всем. Позавтракав и перемотав портянки, полк построился на короткий митинг, вернее для получения задачи. Выступил командир полка, подполковник Шкунов, который сказал: «Товарищи, мы всю ночь шли и только два часа отдохнули, мало, да мало, но у нас больше времени нет. Вы видите, немцы почти без боя оставили город и стремятся оторваться от нашего преследования, укрыться за широким Днепром, а его западный берег оборудовать в непреступную крепость. Поэтому мы должны спешить, преследовать и громить врага на этом берегу, чтобы некому было обороняться на том. А поэтому вперёд на Днепр». Полк с развёрнутым гвардейским знаменем выступил на марш и с песнями зашагал к Днепру, до которого было ещё 150 км.

Шли днём и ночью, делая короткие привалы для приёма пищи и кратковременного отдыха. Рота за ротой двигались по пыльным песчаным дорогам Украины. Назад к Днепру. Ноги ныли от усталости, хотелось спать. Шагая в колоннах, спали на ходу. Никогда бы не поверил, что такое возможно, если не испытал сам. А просыпались тогда, когда налетала авиация, и начинали рваться бомбы. Немцы, отступая, уничтожали всё, что попадало на пути и что они не могли угнать с собой. На дорогах валялись убитые животные: коровы, лошади, овцы. Такая картина уничтожения всего представляла перед советскими воинами. Все это вызывало всеобщую ненависть и презрение к лютому врагу.

Ненависть кипела в груди, и ноги, несмотря на усталость, быстрее шагали вперёд на запад.

Только теперь можно представить, какие трудности преодолел советский народ, добывая победу в годы Великой Отечественной войны. Трое суток на ногах без сна и отдыха, под дождём и солнцем шли пехотинцы на запад, чтобы не дать противнику возможности выиграть время и закрепиться на западном берегу Днепра и, используя широкую водную преграду, создать непреодолимый рубеж. Но таких рубежей для Советской Армии не было, не стал им и Днепр. 21 сентября нас ожидала неприятность. Марш совершали по просёлочной дороге, которая вела через небольшую высотку. Часов в двенадцать в небе появился немецкий самолёт-разведчик, так называемая «рама». Не прошло и часа, когда над нами появились два десятка немецких самолётов. Местность открытая, ни кустика, ни строений. По команде «Воздух» разбежались вправо, влево от дороги, залегли, вжимаясь в землю, но это не спасло, а зенитных средств, прикрывающих колонны, не было. И так минут тридцать утюжили полк двадцать самолётов противника. Одни бросали бомбы, другие строчили с пулемётов, а опускались так низко, что только колёсами не доставали, а воздушная волна, казалось, приподнимает от земли, а бомбы, летящие в высоты, все летят на тебя.

Я и семь воинов укрылись в яме для хранения картофеля в сгоревшем погребе размером 1,5м X 1,5м, и там бомбами ранило двоих воинов.

После налёта авиации картина была неопишуемая: на дороге и метров на 200 вправо и влево от неё зияли воронки от больших и малых бомб, на земле хорошо были видны следы от пулемётных очередей, как будто кто проехал бороной. Убитые и раненые лежали по обе стороны дороги, одни стонали от боли, другие звали на помощь. Полковой медицинский пункт, следующий за колонной полка на повозках, также подвергся налёту.

Часа на три задержалось наше продвижение: пока разобрались с потерями и последствиями налёта (бомбёжки) и оказали помощь пострадавшим.

Потери наши были большими, у меня во взводе из 15 человек осталось 10, да и полк потерял процентов 30.

Потери потерями, а задачу выполнить надо. Простившись с товарищами, выбывшими из строя, полк построился для продолжения марша. Дистанции между ротами увеличивались до 200-300 метров. Шли медленно с опущенными головами, каждый думал о своих погибших товарищах и размышлял, что ждёт впереди. Постепенно вечером 22 сентября подошли к р. Днепр в районе севернее Переяслав-Хмельницкого. Днепровские берега были одеты густыми лесами. Здесь стояли могучие дубы и грабы, пышные клёны и мелкий кустарник покрывали левый берег Днепра. Это дало нам возможность скрытно подойти и сосредоточиться для формирования. На берегу уже были наши разведчики и хлопотали сапёры, собирали рыбацкие лодки и плоты, им помогали партизаны. Вечер был тихий и спокойный, и Днепр медленно и величаво катил свои воды к Чёрному морю. Кругом ударила тишина, разговаривали вполголоса, и никто не мог подумать, что здесь, в лесах, сосредотачиваются тысячи людей, готовятся к великой битве за Днепр.

Разведчики доложили командиру полка обстановку и о наличии переправочных средств. Сапёрные подразделения уже сосредотачивали переправочные средства к местной переправе.

Форсирование началось во второй половине ночи. Первыми на двух лодках к берегу противника направились разведчики во главе с лейтенантом Мантуровым.

Когда лодки скрылись в ночной темноте, все настороженно ждали и всматривались в темноту, стараясь уловить какой-либо звук с того берега. Напряжение достигло предела, а сигнала всё не было. Разведчики под прикрытием темноты, и плавно опуская вёсла, почти бесшумно плыли к правому берегу.

Вдруг замерцал огонёк, но звука не последовало – это был сигнал наших разведчиков: «Путь свободен».

Приготовившись к старту, сидя в лодках и на плотках, ждали команду воины первого подразделения. За сигналом последовала команда «Вперёд!» и одновременно несколько лодок и плотов бесшумно отчалили от левого берега. Перестрелка на правом берегу началась тогда, когда переполненные воинами лодки и плоты коснулись вражеского берега, а разведчики уже захватили кусочек берега, продвинулись на 100 метров и вели разведку вширь и вглубь. Не успели освободившиеся лодки и плоты повернуть обратно, как к вражескому берегу причалил второй эшелон формирующих подразделений. Над зеркалом Днепра повисли ракеты, застрочили пулемёты и автоматы. Но и второй эшелон уже покинул лодки и зацепился за берег. Левый тихий берег огласился грохотом орудий. Это наша артиллерия, установленная за лесом, открыла огонь, чтобы «окаймить» разрывами снарядов захваченный плацдарм и не дать возможности немцам сбросить наши высадившиеся подразделения назад в Днепр. Над правым берегом поднялось и заколыхалось розовое зарево. Это немецкая артиллерия открыла ответный огонь. В воздухе завизжали, засвистели снаряды.

Фашистские мины, ударяясь о поверхность реки, квакали как лягушки и разлетались на сотни осколков, бороздящих воду.

Лодки возвратились за третьим рейсом, в расчёт которого входил и мой взвод. Я с пулёмётным расчётом сержанта Гришина разместился в рыбацкой лодке. За вёсла сели ряд. Рыбин и ефр. Власов, они оказались опытными гребцами, и лодка быстро поплыла к правому берегу. Ракеты взлетали, освещали и гасли, а некоторые висели, освещая всё вокруг. Мины рвались всё ближе к лодке.

Гребцы, напрягая последние силы, старались скорее подгрести к берегу. Вдруг недалеко от правого борта разорвалась мина, красные искры на мгновение осветили лодку. Рулевого сержанта Гришина осколком мины ранило в руку, его заменил рядовой Харин, и лодка благополучно добралась до берега. Высадились и сразу вперёд, подальше от берега и ближе

к врагу. Ориентироваться было хорошо, где начинались трассы пуль пулемётных и автоматных очередей, там располагались наши передовые воины. Выдвинулись и мы в боевой порядок, осмотрелись, откуда немцы ведут огонь, и заработал по тем направлениям наш «Максим». В цепи стало веселее, и стрелки короткими перебежками продвигались вперёд и вправо, расширяя захваченные площади вширь и вглубь. Переправа шла полным ходом. К утру два полка (136 ГОП и 132 ГОП) и другие части нашего 42 ГСД были на правом берегу. А на рассвете о своей переправе заявили 45мм противотанковые орудия и 82мм миномёты, открыв огонь по немцам, укрывшимся в блиндажах и траншеях.

Часов в десять утра 23 сентября немцы предприняли контратаку без танков, но она была успешно отражена, так как наши подразделения уже вросли в землю. Да и сил у немцев было недостаточно, чтобы столкнуть нас в Днепр.

День 24 сентября прошёл в отражении контратак немцев. Наши гвардейцы не только прочно удерживали занимаемые площади, но и расширяли и углубляли их. При отражении контратак отличились снайпер Криворучко, который уничтожил около трёх десятков немцев, командир орудий сержант Пинчук, который подбил 4 танка. Остановил два танка бронбойщик Фёдоров. Все они были представлены к правительственным наградам.

Расширяли и углубляли площади в северо-западном направлении, чтобы обеспечить успех частям, штурмовавшим Киев. К 30 сентября овладели селом Гребенки и приближались к городу Канев.

Немцы, подтягивая резервы из глубины, продолжали атаковать наши позиции. Особенно яростными их атаки были в первые дни октября. Нам пришлось потесниться и занять оборону по гребню обрыва в 100 метрах восточнее села Гребенки, от которого осталось название и несколько труб в сгоревших домах.

Сзади, в 200 метрах, Днепр, отходить дальше некуда. Немецкие танки подняться на гребень обрыва не могли, да и противотанковые гранаты сверху вниз катались хорошо. В

боеприпасах недостатка не было, так и отражали атаки гитлеровцев огнём автоматов и гранатами. Атаки следовали одна за другой. Боем руководили лично командир полка Шкунов и капитан Зимин. Бой доходил до рукопашных схваток. А 3 октября во второй половине дня, когда обстановка осложнилась, я, поднявшись в полный рост с призывом «Вперёд за Родину!», повёл солдат на отражение очередной атаки немцев. Пулемётная очередь прошла пулями обе ноги и левую руку. Ощущение было таково, как будто кто-то продёрнул иголки с нитками. К счастью только одна пуля коснулась кости и я, не останавливаясь, продолжал командовать, и атака немцев была отбита. И только тогда я стал осматривать свои раны. Снял сапоги, а портянки уже мокрые от крови. Тут же с помощью товарища, используя индивидуальный медицинский пакет, который всегда имел с собой, перевязал раны и продолжал руководить боем.

Когда стемнело, всех раненых сосредоточили на берегу Днепра, чтобы переправить на левый берег. Полной уверенности в том, что захваченный плацдарм удержим, ни у кого не было. Силы таяли на глазах, активных штыков оставалось всё меньше, а немцы продолжали атаковать. Паром не появлялся, лодок не было, а раненому в одежде преодолеть широкий Днепр и перебраться на левый берег было не по силам. А поэтому каждый сидел в своем укрытии и размышлял о своей судьбе. О себе думал меньше всего. Жалко было мать. Два зятя уже погибли на фронте, и вот на меня придёт похоронка. Представлял её состояние, и как она будет жить дальше. А остаться живым и самому хотелось и посмотреть, какая жизнь будет после войны. А что война закончится Победой, в это верили все и ждали.

И только поздно вечером, когда нам на парамах прибыло подкрепление (плацдарм нужно было удержать), я был отправлен на левый берег.

Два товарища, как и я, способные передвигаться, пошли искать санитарную роту, но не нашли, заночевали в одной из хат случайно сохранившейся деревни.

Хозяйка сварила картошки и достала солёных огурцов, ужин оказался на редкость вкусным. Ночь проспал, не просыпаясь, хотя раны и побаливали.

От бессонных ночей и короткого окопного отдыха, этот отдых казался раем, спали как убитые. Проснулись часов в восемь утра, хозяйка уже хлопотала у печки. Накормила нас горячим завтраком, и мы отправились искать санитарную роту. Она оказалась в соседней деревне, километрах в 2-х от нашего ночлега. Шли пешком, раны уже основательно ныли.

Попали в санитарную роту 32 ГСП нашей дивизии, там нам обработали раны по медицинским правилам и на повозках отправили в медико-санитарный батальон дивизии, который располагался в городе Пиретин. В медсанбате оказали врачебную помощь и разместили по хатам по 3-4 человека, а через три дня отправили в полевой госпиталь в город Яготин. Там пролежал я неделю и был эвакуирован эшелонами в военный госпиталь № 53- 62, в гор. Тамбов. Ехали в товарных вагонах, оборудованных двухъярусными нарами. Посреди вагона стояла чугунная печка и топилась круглые сутки, и естественно угля, который выдавали, не хватало. Поэтому на остановках, те, кто мог двигаться, промышляли топливо. Я же мог двигаться только на коленях и помогал, как мог. В пути следования эшелон два раза подвергался налётам авиации, прямых попаданий бомб в состав эшелона не было, но от обстрелов пулемётами убитые и раненые были. Через три дня под вечер прибыли в город Тамбов. Приём раненых был организованным, и через 2-3 часа мы все оказались в стенах госпиталя. А раны у меня нагноились, и ноги стали пухнуть. На следующий день уже по-госпитальному обработали раны и потянулись больничные дни на госпитальных койках. Читали газеты, журналы, книги, которые попадали под руки, слушали радио, обменивались наиболее яркими эпизодами, накапливая опыт к грядущим сражениям. Это было благодатное время после продолжительной окопной жизни и бессонных ночей. Иногда приходили шефы, рассказывали о своих делах, читали стихи, приносили подарки. Но мысли и помыслы были там, на

передовой, где остались боевые товарищи – хватит ли им сил, выстоят ли они.

Мужество и отвага советских воинов сделали то, на что не рассчитывали немецко-фашистские войска.

Они думали, что, прикрывшись широкой водной преградой, укрывшись в надёжных домах, они смогут удержать этот рубеж и остановить наше наступление. Но их планам и мечтам не суждено было сбыться. Сила духа советского солдата, его преданность своей социалистической Родине и вера в правоту своего дела сыграли свою роль. Днепр не явился преградой для советского воина, а немецкой военной машине не удалось поставить на колени советский народ.

При форсировании Днепра сотни и тысячи воинов Советской Армии проявили стойкость и мужество. Многие из них были награждены орденами и медалями Советского Союза.

А самым отважным и храбрым было присвоено высокое звание Героев Советского Союза.

Содержание (опись) мемуаров:

Немного об авторе	3
Начало	4
Первая боевая задача	8
Бой под Мышадлами.....	11
Отвод подразделений.....	16
Гибель комбата Иршко.....	20
Штурм Альтдама.....	25
Берёзо-Кортузская.....	28
1 мая в Берлине.....	33
Вперед на Днепр.....	36